

*Кронштадтский вестник**(опубликовано 12 мая 1900 года по старому стилю)*

«Вчера, 11-го мая, в Санкт-Петербурге, происходило морское торжество — спуск на воду крейсера 1-го ранга «Аврора». Погода была ясная, тихая, теплая. Крейсер выходил из-под крыши эллинга кормой вперед, и на нем поднимались флаги. Как только носовая часть крейсера погрузилась в воду, были отданы оба якоря. С судов, стоящих на Неве, был произведен установленный салют».

Эта заметка — размер 13×18 сантиметров, фотобумага фирмы «Унибром» — была отпечатана на фоне крейсера «Аврора» и прикреплена к деревянному мольберту, стоящему в кабинете Эриха Эриксона. Кабинет был пуст, но за ним, в «больничной палате», слышалась какая-то невнятная возня.

— Вы уже кончили? Кто-то пришел! — донесся приглушенный женский голос. По тембру вроде бы пропавшей нашей красавицы Янат.

— Одевайтесь!

Врач выглянул из-за двери.

— Это вы? Я ведь просил не раньше, чем через часик...

— Помешал?

— Не то, чтобы помешали. Не ко времени. Она еще не отлежалась.

— Могу и в другой раз.

— Другого раза не получится, если вы все поймете превратно.

— «Ничего не видел, ничего не знаю». Так, что ли?

— А что вы видели?

— Ничего.

— Тогда откройте глаза, посмотрите на пациентку. Янат! — позвал он девушку. — Вы свободны.

Как-то неловко, припадая на ногу, будто ей больно ходить, Янат вышла из каюты-палаты.

— Здравствуйте, — пряча глаза, она виновато шмыгнула носиком и протиснулась

между мной и мольбертом к выходу.

Мне стало как-то совестно, словно подглядывал в замочную скважину. Но я ведь никуда не подглядывал! Попросили — пришел. И тут — на тебе! — душа пропащая, по всему судну разыскиваемая. Что ей сказать?

— Привет, Янат-Таня! — сказал, и добавил автоматически: — Ливик тебя не дощется. С ума сходит. Сам картошку чистит.

— Догадываюсь.

Нервным тиком исказило лицо девушки и, едва сдерживая слезы, она выскользнула за дверь.

Эрих Эриксон указал мне на стул, сам сел за стол, напротив.

— Вопросы?

— У матросов нет вопросов,— ответил я, не желая преждевременно, до реакции Ливика Генделиста, вмазываться в выяснение непонятных мне отношений.

— Тогда вопрос у меня. Почему Янат-Таня?

— По кочану! Слева направо — Янат, справа налево — Таня. Двойное имечко, для латышей — латышское, для русских — русское. Братство народов, пхай-пхай!

— А расшифровывается на еврейский лад?

— Я не шифровальщик. Я филолог. ЛГУ, отделение журналистики.

— Что ж, тогда проверим давление. Снимите пиджак. Заверните рукав рубашки. Так... Вот так... Молодцом.

Док охватил мне мышцу правой руки черной надувной повязкой, стал пальцами раз за разом давить на грушу и наблюдать за шкалой, по которой чуть ли не до верха резко подскочил ртутный шарик, чтобы потом плавно опуститься вниз, порывисто вздрагивая на двух отметинах: 110 и 70 .

— У меня зачастую чуть пониженное,— подсказала я врачу.

— С похмелья? Или от сгонки веса?

— И от сгонки тоже.

— Значит, кофе вам только на пользу. У меня растворимый. «Элит».

— Откуда? — удивился я, помня, что это — «посылочное» кофе в металлических баночках — большая редкость даже в Риге, и его можно достать только у евреев, имеющих родственников в Израиле. А их еще не сильно много.

— Оттуда,— невозмутимо ответил Эрих Эриксон.

— У меня там никого нет! — среагировал я совсем некстати. А в мозгу стрельнуло: «Не стучак ли?»

— И у меня. Но я не учусь читать справа налево.

— Вы — потомственный моряк. Читаете по звездам.

— А-а, и вы, значит, видели?

— Что?

— Летающие тарелки.

«Точно, и не просто стучак, а комитетчик! — поставил я диагноз.— Стасик ведь говорил, что никто о них не обмолвится на судне ни словом. Видел, не видел — главное — молчок! Иначе законопатят! А этот?...»

Я сделал постную физиономию.

— Какие тарелки?

— Те самые, что у нас по курсу из-под воды выскочили.

— Не видел.

— Так вот! Да будет вам известно, и Янат их не видела. А потом — бац! — и оказалась на борту одной из них.

— Вы меня за этим пригласили?

Эрих Эриксон разлил кофе.

— И за этим.

Затем нагнулся, вытащил из нижнего ящика стола фляжку с медицинским спиртом, плеснул по мензуркам.

— И за этим.

— А сухой закон?

— Вы все равно сегодня еще не сухой. С похмелья.

— Мокрый еще, совсем мокрый, как после тренировок.

— Тогда — «прозрит»!

Мы глотнули в один прием, крикнули, запили кофейком. И меня как-то отпустило. Хрен его знает, может, и не стукач. Кто их разберет, этих заграничников? По одному их на берег в иностранном порту не отпускают. Ходят тройкой. А один из троих, пожалуй, и пишет рапортчики. В чужую шкуру не залезешь, а свою все равно не убережешь, сколько ни осторожничай. У тебя с «ними» всегда — первопуток, а у «них» с тобой иначе. У «них» всегда — тропа, проторенная предшественниками, освоенная на уроках психологии, изученная до каждого извива. Ты слышишь от постороннего человека об Израиле, инстинктивно определяешь его — «не свой», и сразу кидаешься в подозрения: не провоцирует ли? А он, поди, просто любопытствует. Может быть, и ему желательно выхватить хоть толику об этой загадочной стране, родине библейских пророков. Как никак, но в Шестидневной войне малышка эта разгромила самые мощные на Ближнем Востоке арабские армии, оснащенные, кстати, советским оружием. Да, но почему Эриха Владимировича понесло к летающим тарелкам? Знаком с тем выпуском «Советской молодежи» об НЛО над Сигулдой? Или кто-то стукнул, что я уже не первый раз встречаюсь с ними? Вот и вывел — это к смеху, конечно, — будто инопланетяне прилетают на связь со мной. Нет, не утрирую. Не своди свои дурости к космической шпиономании! А то ведь с похмелья и впрямь водка по мозгам ударила. Тут что-то другое. Но что?

Вот это — «что?» — из меня и вывалилось невзначай.

— Что? — спросил я, чувствуя, как хмель катает меня уже в потных ладонях, и потянулся мензуркой за второй порцией спирта, который — хитрец! — имеет свойство оказывать с опозданием свое пагубное влияние на организм: чем больше жидкости в себя вольешь, хоть колодезную воду, тем сильнее окосеешь.

Судовой врач разлил по второй. Мы глотнули в один прием, крикнули, запили кофейком.

— Подозрения отпустили? — поинтересовался Эрих Эрикссон.

С пьяной смелостью я ответил:

— Временно отпущены. Под подписку о неразглашении.

— Разглашения не будет. Должны понимать, при разглашении Янат спишут на берег. И — прощай море.

— Здесь она, понятно, нужнее, — сдохмил я.

— Ваше остроумие неуместно. Вы и не подозреваете: она действительно побывала там, — он показал пальцем на потолок. — И там с ней проделали какое-то медицинское чудо, не пойму — как и, главное, зачем. Вынули из нее зародыш ребенка, понимаете...

— Аборт?

— Если бы аборт... Нет, ничего в ней не вычищали. Я сейчас все проверил. А вы некстати все засвидетельствовали. Теперь мы повязаны... Узнают... Мне за проявленную самостоятельность и за недонесение тоже быть списанным и визы, пожалуй, больше не видать.

— Не узнают. Я из породы молчальников.

— Это и видно. Тогда слушайте дальше. Не представляю — как, но там вынули плод, а это уже полностью сформировавшийся ребенок. Вынули, и все тут. Будто — там, — он опять показал на потолок, — они способны довести младенца до кондиции.

— Вырастить,— перехватил я,— и прислать к нам иноземного шпиона под видом человека.

Эрих Эриксон недовольно поморщился.

— Бросьте! Какой из вас майор Пронин? Все гораздо сложнее. У вас хоть есть какое-то представление, откуда они прилетают? Вы — журналист, с разными людьми общаетесь. С учеными мужами, полагаю, со степенью в области физики, астрономии.

— Представление у меня есть,— заверил я, готовый в «кирном» состоянии высказать свои революционные идеи.— Но прежде уясните простую истину.

— Попробую. Ну?

— Где мы находимся?

— В море.

— А под морем — что? Продолжение Сибирского кряжа. Многокилометровый подводный шельф. Миллионы лет он существовал прежде, в мире с динозаврами, над поверхностью моря. А потом опустился туда, к рыбам на дно.

— Вместе с динозаврами?

— А вы без иронии, Эрих Владимирович! Не только с динозаврами. Но и с людьми. Вы — что? — думаете за сто двадцать миллионов лет существования динозавров не появились в ту пору разумные человеки? Какая же после этого эволюция? Никакая! И Чарльза Дарвина следует перечеркнуть. А теперь задумаемся: когда появилось современное человечество? Всего каких-то шесть тысяч лет назад. Так?

— По Библии мы и от сотворения Вселенной далеко не ушли.

— Бросьте теперь вы городить чепуху, товарищ Эриксон! Человек, как разумное существо, развивается всего где-то шесть тысяч лет. Это и без Библии известно — ученые доказали! При этом только за последний век этот наш человек сумел из первых самолетов братьев Райт пересечь на спутники и шагнуть в космос. Теперь представьте себе, что у наших предшественников был хотя бы один полезный для развития ума миллион лет. Это из ста двадцати, положим, пещерных, не пригодных для разумного развития. А? Примите это за рабочую версию. И будьте уверены: они такие подземные ангары отгрохали до потопления на окраине Сибирского кряжа, что любодорого. И преисполненные комсомольского энтузиазма ушли под воду со всеми полезными ископаемыми, чтобы оттуда вылетать наружу и смотреть за нами, неумехами: правильным ли путем идут их товарищи по эволюции. А потом, когда убедятся...

— Продолжайте, продолжайте...

Но «продолжение» застряло у меня в горле. Оно выглядело «несъедобно», если предположить, что Эрих Эриксон примазан таки каким боком к скрытому племени комитетчиков.

— Давайте лучше еще по маленькой! — нашелся я.

— Еще по маленькой, а потом, дорогой мой человек, в «солому».

— Куда?

— Спать!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

— И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет,— затанул я, чтобы сбить судового врача со следа моей мысли, но не преуспел в этом. Он логически точно развернул мой намек во всю его опасную ширь.

— А потом, когда убедятся, что их товарищи по эволюции идут неправильным путем, заменят их так, что никто и подмены не углядит. Выведут новую породу...

— По образу и подобию нашего человека,— подсказал я, коль уже деваться было некуда.— И отсель, от Старого Сибирского кряжа, вновь пойдет вперед человечество. Семимильными шагами — к новому светлому будущему.

— Русское по крови и существу? Это вы имеете в виду?

— Русское-русское, Эрих Владимирович Эриксон. Но с примесью динозавра. Рас-

косые глазки, знаете ли, зубастая пасть. К тому же неизвестно, какие алфавиты изучали они на дне морском. Может быть, подводным Марксом созданные... справа — налево, так сказать.

— Умно, но...

Тут мне вспомнилось, что о предстоящем спортивном матче мы и не упомянули.

— Товарищ Эриксон,— сказал я, поднимаясь со стула.— А где у вас тут боксерская груша к потолку подвешена? Обещали ведь показать...

— Дошли до кондиции?

— А что нам, малярам? Постоим за русскую землю! Давай сюда иноземцев с летающих тарелок!

— Пройдемте...

В приемном покое — палате на четыре койки, поставленные в два яруса,— Эрих Эриксон легким тычком заставил грушу, прикрепленную на электрошнуре вровень с его плечом, плавно ходить из стороны в сторону.

— Бей!

Я ударил и промахнулся.

— Бей! — повторил он.

Я ударил, и груша стала вертеться вокруг оси, как ужаленная. Видимо, задел ее лишь костяшками кулака, скользяще, по краю.

— Идите спать,— резюмировал доктор.— Вы еще не в форме, что и следовало доказать.

Я повернул на выход. Но он остановил, хватко взяв за локоть.

— Куда вы? Без пиджака? И в таком виде, с подвернутым рукавом? Заметят — доложат. А мы в море, у нас сухой закон. Ложитесь здесь.

— Но здесь Янат-Таня лежала,— заартачился я с «поддачи».

— А теперь полежите вы. И приснится вам...

Он не закончил. Но я уже точно знал, что мне приснится.

К слову, то самое и приснилось: летающие тарелки, выскакивающие из-под воды, с маленькими голубоглазыми и белобрысыми человечками, похожими на меня, как близнецы-братья.

13

В полночь я приволокся в свою каюту и застал Ливика Генделиста в каком-то помраченном состоянии. Локти на тумбочке, подбородок в ладонях. Полуодет — полураздет: кальсоны, тельняшка, морская курточка. Сидит на койке у ночника и долгим немигающим взглядом пялится на лампочку, будто это экран телевизора.

— А ты где пропадал? — незряче посмотрел на меня.

И действительно натруженным глазам его я мог представиться форменным привидением.

— На летающей тарелке,— пошутил я.

Но мой приятель, стукнутый переживаниями, шутки не принял.

— И тебя тоже?

— Тоже,— брякнул я, не определяясь в ситуации.

— Оки-доки, материал на первую полосу! Пиши информ-бляшку,— вздохнул Ливик.

— Но ни одна редакция не примет.

— Ну да! Янатку утащили прямо из камбуза. И куда? В космос. Ребенка вынули, девку домой доставили, и сказали: «молчи!». Кто такое напечатает?

— И не поверит.

— А ты веришь? Ах, да! Ты сам был там. Был?

— Был!

— С ней встречался?

Я немного замялся. Подумал: «куда это Ливик клонит?»

— Нет, она лежала в женском отделении! — бухнул первое, что пришло в голову. Я обнял страдальца, по-приятельски похлопал по спине. — А сейчас в «солому», хватит дурака валять!

И, не раздеваясь, отвалил на подушку.

Последнее, что услышал, это скрип цепей.

— Якоря!

— Что, Ливик? — пробормотал я спросонья.

— Оки-доки. Якоря отдают. Североморск!

14

Танкер был «опечатан». На палубе краснофлотцы-автоматчики. На причале они же. Черные шинели, черные бушлаты, поперек — черные стволы АКМ.

Шла откачка топлива, доставленного «Юрмалой» в Североморск. Курить категорически запрещалось даже в отведенных прежде для этого местах. «Несанкционированное» передвижение членов экипажа во время разгрузки тоже не приветствовалось. Словом, «не высовывайся наружу — здоровее будешь» — превратилось из анекдота в правило поведения.

Мне оставалось бы лицезреть постную физиономию Ливика Генделиста до самого вечера, если... Но тут раздался стук в дверь, и Ливик весомо сказал:

— Войдите!

На пороге показался вестовой — мичман-сверхсрочник. В черной шинели, черной фуражке, с черной кобурой от «Макарова» на поясе.

Вспомнились стихи Есенина о черном человеке.

Моряк лихо вскинул руку к козырьку.

— Разрешите доложить. Машина подана.

— Оки-доки, ждите на причале. Сейчас будем, — барственно ответил с койки Ливик Генделист.

— Вы не один?

— Доложите командованию. Со мной паразит.

Я с недопониманием взглянул на мичмана.

Мичман с полным пониманием происходящего кивнул:

— Есть доложить, пропуск на двух человек.

— Не забудьте вписать в пропуск: «маэстро Ливий и личный его паразит».

— Так точно! Разрешите идти, товарищ маэстро?

— Свободны.

Мичман отдал честь, развернулся и был таков. Я же с новым интересом посмотрел на Ливика Генделиста. Как воспринимать подобное хамство? То он канает под Пушкина и пишет стихи, которым вредные критики выдергивают ручки и ножки на полпути к печатному станку. То превращается в боксера и вешает на уши доверчивых слушателей, что он уже перворазрядник и готов — пусть кровь из носа! — постоять за честь любимого судна. То, совсем уже не к месту, зная несколько гитарных аккордов, обзаводится прозвищем Раймонда Паулса «маэстро» и переименовывается из зарегистрированного в ЗАГСе Лива в римского патриция Ливия.

Не соскучишься.

— Ливик! Что за концерт? — обратился я к мастеру на все руки, когда он, нырнув под кровать, вытащил увесистую сумку с накрахмаленным колпаком повара из фешенебельного ресторана. — Куда ты собрался?

— Ты со мной разве не пойдешь?

— С тобой можно и на край света, хотя ты не женщина.

— Забудь французское — «ищите женщину»! Моя женщина... Пойми, я и сам в удрученном состоянии и трагедийных чувствах. Но актер, и при личной трагедии, должен соответствовать роли.

— Не подскажешь, какой?

— По договоренности, я им устраиваю оргию в порту.

— Что? Что? — обалдел я.

— А, испугался за моральный облик? Не пугайся. Лучше вернись на первый курс своего «универа» и навались на античную литературу.

— У меня по Гомеру пятерка. Уж кто-кто, а Лея Черфас за просто «хорошо живешь» пятак не поставит.

— Но то по Гомеру. Родственная душа! А по Вергилию? Апулею с его «Золотым ослом»? В Риме побывать слабо? Забыл? Оргия у римлян — это никакой тебе не свальный грех, а простая обжираловка. Дошло?

— Ладно тебе, Ливик. Уже уел меня!

— Ам-ам, вкусно нам! — Ливик повторил мою шутку и сделал вид, что облизнулся. — Соглашаешься быть моим паразитом?

Что за подвох? Я напряг память: что-то вспоминалось, но толком так ничего и не восстанавливалось.

— Оки-доки! Не мучайся. Вот тебе мой конспект. Хотя я и не ходил твоими коридорами по «универу», но знаю не меньше. — Ливик вытащил из сумки общую тетрадь в коленкоровом переплете. — Тут как раз все по кулинарной теме. Страница пять. Читай: информ—бляшка первый сорт!

Я прочел: «В Древней Греции любили устраивать обеды в складчину. Составлялись списки приглашенных в гости. Каждый из них имел право привести с собой кого-либо из приятелей, но только человека мужского пола. Вот этого, незваного распорядителями на пир, и называли — «паразит» — все остальные античные гости. (Не античные отдали дань современности и переименовали его на русский манер «паразитом».)

— Теперь понял, кем ты будешь на нашей оргии?

— Оргия и без баб?

— Раз-двай-драй — бабы-выпивка-курение — все официально под запретом. Район взрывоопасный.

— А бабы при чем?

— При том! Бабы — мины замедленного действия.

— Тебе что за выгода во всей этой истории?

— Товарообмен! На уровне командования! Я им — оргию-деликатес, они мне — два ящика тушенки. Вот и будут у нас макароны по-флотски. А то, сам видишь, борщ да борщ — кругом.

— Мы бросаем в свой животик все, что скушать хочется. У них — что? — некому сготовить макароны по-флотски?

— Опять — двадцать пять! Макаронами они объелись. Я же говорю, товарообмен! На уровне командования! Они нам — тушенку, я им — деликатес под видом древнеримской оргии. Любопытно, знаете ли, отведать то, что уже не подают к столу две тысячи лет.

— Что именно?

— Страница четвертая! Читай!

Я прочел: «В Древнем Риме существовало определенное представление о полноценном обеде с изобилием блюд. Назывался он — «Цена». Может быть, оттуда у легионеров и пошли строчки: «Мы за ценой не постоим». Состоял обед из закуски, ос-

новного угощения и десерта. Все в больших количествах. В качестве закуски подавали салат, яйца, рыбу под пикантным соусом. На второе — горячие блюда: мясо, курица, рыба, запеченная в тесте, различные морепродукты. В качестве десерта — печенье, соки. Но основное достоинство стола заключалось в умелом использовании приправ и пряностей, таких, как оливковое масло из Палестины, уксус, соль, перец, зелень майорана из Сицилии, семена аниса, укропа из Греции, тмин из Карики, сельдерей и петрушка из Македонии, тимьян из Фракии, имбирь и корица из Индии...».

— У тебя все это есть? — удивился я.

— Названия! И пакетики! — Ливик потряс сумкой, вызвав струнный перезвон, нахлобучил колпак, посмотрел в иллюминатор на «погоду». — Не замерзну, — пробормотал с некоторым удовлетворением и повернулся ко мне. — Собирайся, друг-человек и «паразит» впридачу. Время пошло.

По трапу мы спустились на причал, сели в военный газон: мичман впереди, рядом с водителем, я с Ливиком и его пахучей сумкой сзади.

— Полный вперед! — скомандовал мичман, и машина тронулась.

Два-три часа — вот тот срок, на который судовой кок Ливик Генделист перекалифицировался в маэстро Ливия. И следует сказать, это получилось у него превосходно. Полуметровый накрахмаленный колпак возвышал его над всеми людьми из приданной ему в подчинение поварской команды. Маленький Ливик был вровень с высокими по званию офицерами флота, собравшимися на оргию. Среди них — капеланг, два кавторанга, три капитан-лейтенанта и «наш» мичман. Разумеется, никто не представлялся. Так что ни фамилий, ни имен. Но скушано было!.. И с какой подачей! Маэстро Ливий организовал подачу блюд, как, наверное, это делалось в Кремле, в довоенную пору, когда Хрущев под дирижерскую палочку товарища Сталина отплясывал гопак на паркетной плитке, выложенной при царе Иване Грозном.

Вынося во главе белых фартуков и колпаков Верховное блюдо на праздничное застолье, Ливик с оглядкой на мое чувство юмора, несколько подпорченное обилием черных, как столовый перец, кителей, провозгласил:

— Кушанье римских легионеров подано к столетию со дня рождения Ленина!

— В какое время жуем! — воскликнул мичман и, встав по стойке «смирно», отдал честь главнокомандующему поварской бригады.

15

Опять мы в открытом море. Тихое урчание двигателя, подрагивание переборок, плеск волн. Я еще не поднялся с койки. Сонливое состояние не отпускает. Хочется еще разок потянуться, зевнуть раз-другой. Но стук в дверь, и высовываясь из-под одеяла, поспешно влезай в пиджак, брюки, туфли...

— Кто там?

— Вестовой. Разрешите войти?

— Входите, не заперто.

В каюту вошел парень приблизительно моего роста, но шире в плечах и корпусе.

— Вам пакет.

— От кого? — недоуменно спросил я.

— Первый помощник капитана распорядился.

— По какому случаю?

— В Североморске нас догнала почта. А там журнал с вашей статьей.

— Какой журнал?

— Московский. «Вымпел». Три штуки. Вот Яков Иванович и распорядился.

Один в кают-компанию, один в судовую библиотеку и один вам — лично в руки.

— Расписаться? — насмешливо поинтересовался я.

— Расписки не требуется. У нас все на полном доверии.

— Тогда гуляйте!

Вестовой — по выправке чувствовалось, что он недавно из армии — козырнул мне двумя пальцами. Но не покинул каюту.

— Разрешите вопрос.

— Спрашивайте.

— Я слышал, вы набираете команду боксеров.

— А вы — что? Боксировали?

— Первый полусредний вес. Третий призер первенства города Балтийска.

— Когда?

— Год назад, когда служил там на флоте.

— Земеля, значит...

— То есть?

— Калининградская область. Вы в Балтийске. Я в Калининграде. Между нами даже матчевые встречи проходили. Пилотки против бескозырок. Но что-то вас не припомню.

— Опоздал родиться.

— Что?

— Просто позже призывался. А вообще я приметный. У меня такая конфигурация в имени — отчестве — фамилии, что любой приметит и запомнит.

— А ну?

— Константин Григорьевич Бровиков.

— И что?

— А то! В итоге по первоначальным буквам — КГБ.

— Боятся?

— На судейскую коллегию действует. Опасаются засудить.

— И как же вы им свои опознавательные знаки выкладываете?

— На взвешивании, при предъявлении паспорта. Не засудят и здесь. Моржовый край, а понятия столичные.

— Поспarringовать не хотите?

— Это можно. У меня и перчатки имеются.

— А где? — я оглядел каюту, поморщился.

— Здесь тесно,— согласно кивнул матрос.— Но я слышал, что вы вызвались на мойку танка, то есть трюма. Там можно и побоксировать.